

МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В энциклопедии «Караганда Карагандинская область», изданной в 1986 году, есть статьи об Аппаке Байжанове, первооткрывателе Карагандинского угольного бассейна, который в 9 лет, в 1833 году, обнаружил обнаженный пласт каменного угля (ныне район шахты «Северная»). В той же энциклопедии, но уже в другой статье утверждается: «В 1847 году предприимчивый купец Н. Н. Ушаков воспользовался этим и сделал заявку в Акмолинский окружной приказ о якобы открытом им месторождении. В 1848 году он арендовал богатый углем Саранский участок пл. 10 квадратных верст за 114 руб. 30 коп. с правом на него до выработки каменного угля».

Лично меня удивляет не то, что Никон Абрамович Ушаков стал в энциклопедии Н. Н. Ушаковым, в конце концов это могла быть просто корректорская ошибка. Удивляет таинственно-странное поведение купца Ушакова: Аппак Байжанов открывает в 1833 году угольный пласт в урочище Карагансай (то есть гд-то в Старом городе нынешней Караганды), а Ушаков «воспользовался этим» и в 1847 году сделал заявку «о якобы им открытом месторождении», но совсем на другом участке — по речке Сокур, в 15 верстах от места, где был найден уголь, и в 1848 году арендует этот участок. Этот энциклопедический пассаж напоминает мне старую шутку из армянского радио: «Правда ли что Карапетян выиграл 100 тысяч рублей по лотерейному билету?» Ответ на этот вопрос читателю хорошо известен. А вот энциклопедические шутки нуждаются в серьезном уточнении.

Впервые историю о бесхитростном пастушке Аппаке Байжанове и хитром купце Ушакове поведал журналист И. Ракитин в очерке «Караганда», опубликованном в четвертом номере журнала «Наша страна» в 1937 году. Именно с «легкой» руки И. Ракитина пошла гулять байка о добром пастушке и злом купце. Художники стали писать о пастушке картины, скульпторы увековечивали его образ в камне и бронзе. Состоялась торжественная закладка камня будущего памятника первооткрывателю. В год 150-летия Карагандинского бассейна одну из улиц Караганды назвали именем Аппака Байжанова. Так рождаются герои, а вместе с ним, как водится, злые гении, олицетворяющие собой верх непорядочности.

Но вот наступила пора гласности: в газете «Индустриальная Караганда» от 17 июня 1990 года и 26 октября 1991 года появились статьи краеведа Б. Аубакирова «Подвергая все сомнения: Аппак Байжанов был и легенда» и «О правде открытия, или Истина всего дороже», которые все расставили по своим местам. В превосходных по стилю и смелых по содержанию публикациях Б. Аубакиров впервые сказал доброе слово о Никоне Абрамовиче Ушакове, отметил его вклад в освоение недр Центрального Казахстана, рассказал об его открытиях и сподвижниках. Впервые была сделана попытка оценить его деятельность как поисковика и организатора освоения месторождений меди и угля. После долгого, продолжительного хуления Никону Ушакову впервые была дана характеристика умного, смекалистого, настойчивого купца-тамыра.

Думается, Никон Абрамович Ушаков вполне заслужил это высокое определение — «купец-тамыр», так как вся его жизнь была отдана людям Сары-Арки, развитию производительных сил этого края. Объективности ради замечу, что и в статьях Б. Аубакирова не все до конца бесспорно. Да автор и сам говорит, что не претендует на истину в последней инстанции. В статье «О праве открытия, или Истина всего дороже» он утверждает, что «Ушаков наверняка предпочел бы добычу угля добычу золота, но с 1844 года правительство запретило на неопределенное время выдачу новых разрешительных свидетельств, и он обратил внимание на...

медь». В противовес этому утверждению приведу выдержку из обращения Никона Ушакова к императору Александру Николаевичу от 27 марта 1865 года: «Главный Начальник Алтайских заводов выдал мне, Ушакову, 29 апреля 1846 года разрешительное свидетельство на право разыскания и разработки золотосодержащих россыпей и разных руд и металлов по Западной Сибири в Киргизских округах» (ЦГА КазССР, ф. 209, сп. 1, дело 187, связка 23).

Что же до открытия Карагандинского угольного бассейна, который насчитывает Промышленный и Саранский участки, Чурубай-Нуринский, Тентекский и Верхнесокурский районы, включает десятки угольных пластов многие мулды, моноклинали, антикли-

от сопки к сопке. Это был тарантас купца Ушакова, Долгие годы Никон Ушаков, петропавловский купец второй гильдии, занимался мелкой торговлей в степном крае. В то время, а это были сороковые годы прошлого века, купцы уже не ожидали кочевников на линии, которую народ назвал «горькой», а снаряжали небольшие караваны и отправлялись в глубь Степи, вступая в торговые и меновые связи с кочующими родами. Ушаков с приказчиками ездил в самые отдаленные уголки степи, имея торговые связи с многочисленными родами Акмолинского округа — Сармантай, Мурат, Екен, Туншатер, Кареке, Мойын, Тока, Теректы, а также с родами Боганалы-Найман и Толгауыл в Атбасарском округе, Как и другие купцы, он поку-

пытать свое предпринимательское счастье решил и Никон Ушаков. Благо, он неплохо знал степные просторы Акмолинского края. Каждый раз, когда проезжал мимо бесконечных сопкок Сары-Арки, они притягивали его к себе неведомым магнитом, Ему казалось, что внутри этих сопкок таятся несметные богатства.

В каждой сопке, которая горбилась, возвышаясь над степью, он видел скрытые подземные клады, которые ждут своего Алладина. Это чувство не покидало его и даже усиливалось по мере того, как то здесь, то там он обнаруживал следы древних рудокопов — чуди. В апреле 1846 года Никон Ушаков получил долгожданное разрешительное свидетельство Главного Начальника Алтайских заводов на пра-

делалось не ради престижа или жажды славы, а для того, чтобы впоследствии организовать дело — разработку месторождения — и получать прибыль.

В то время существовала четкая организация Оформления заявок на открытие приисков. Если заявка оформлялась с нарушением требований Горного Устава, она не принималась, возвращалась заявителю, а территория месторождения заявленного прииска считалась свободной. Примером тому служит заявка Никона Ушакова на открытие месторождения свинца, серебра и отчасти медной руды в урочище Кайракты, поданная им в Каркаралинский окружной приказ 26 августа 1847 года, которую Пограничное Управление признало не соответствующей Горному Уставу. Ушаков был вынужден переоформить заявку и представить ее в Каркаралинский приказ 12 марта 1848 года. При этом выяснилось что ранее на это месторождение была сделана заявка доверенным Степана Попова Тачимовым,

В Карквралинском Приказе состоялся разбор спора за право первенства с приглашением старшин, биев и почетных казахов, которые подтвердили приоритет за Степаном Поповым. Спор между Ушаковым и Поповым разрешился и дошел до Главного Управления Западной Сибири в городе Омске. Для его разрешения комиссия в составе председателя Каркаралинского окружного приказа Красусского, Никона Ушакова и доверенных Попова-Тачимова и Бачеева отправилась в урочище Кайракты. Не доезжая до места, открытия свинцовой руды, Красусский предложил Бачееву быть провожатим и указать, где находится руда. Бачеев отъехал от речки Кайракты и указал на пригорок. Свидетелями были пятнадцать понятых из местного населения. Тачимов указал на два шурфа, выбитые якобы в 1344 году, но каких-либо знаков, подтверждающих это, обнаружено не было. Ушаков заявил, что именно данный пригорок есть то самое место, которое было заявлено им 12 марта 1848 года. В подтверждение этого указал выбитые им в 1847 году два шурфа. Кроме того, вокруг пригорка им было выбито шесть ям с вложенными потайными знаками с буквами «Н. У.».

Ушаков указал эти ЯМЫ И ДЛЯ доказательства вынул из двух зарытые деревянные колья, на коих оказались вырезанные буквы "Н.У.". Таким образом, было засвидетельствовано, что заявленные Степаном Поповым и Никон Ушаковым прииски при урочище Кайракты «действительно есть одно и то же место». Вместе с тем, комиссией было установлено, что описание прииска в заявке Ушакова «весьма несходно с таковым в акте», составленном Красусским. В заявке было указано, что прииск находится по правой стороне речки Сарысу, в полверсте от нее, а фактически оказался в полторы версты, Ушаковым было отмечено в заявке шесть ЯМ, а фактически было шесть ям и три шурфа. Кроме того как Ушаков, так и Попов при подаче заявок не выполнили всех существующих правил. Посему Областное правление решением от 22 декабря 1856 года постановила заявки почетного гражданина Попова и купца Ушакова в урочище Кайракты «считать недействительными и оставить спорное место на этом учорище свободным».

Никон Ушаков подал апелляционную жалобу в Правительственный Сенат, в которой опроверг решение Областного правлений. Основным доводом Ушакова было то, что «киргизская степь», заключая в себе огромные пространства с однообразной плоскостью, представляет каждому искателю руд затруднения для точного определения пункта местности, где открывается руда, и потому он прибег к потайным нетленным знакам, тогда как доверенные Попова никаких несомненных доказательств того, что им был сделан прииск, не представили,

В.НОВИКОВ,
кандидат технических наук.

(Продолжение следует)

СУДЬБА И ЖИЗНЬ НИКОНА УШАКОВА

нали, синклинали, свиты, сбросы, выбросы, то оно не могло произойти в одночасье. На это потребовалось десятки лет упорного труда сотен, если не тысяч геологов с их профессиональными методами, специальным оборудованием, техникой. Не случайно академик К. И. Сатпаев в своих статьях о Карагандинском месторождении угля слово «открытие» всегда писал в кавычках.

Открытие бассейна — это огромный труд по геологической съемке, разведке и исследованию недр, содержащих полезнее ископаемое, их стратиграфии и тектоники, литологии. В этом смысле к числу первооткрывателей Карагандинского угольного бассейна я бы отнес выдающихся советских геологов А. А. Танеева, Н. Г. Кассина, Д. И. Бурцева, Г. А. Медоева, Г. Л. Кушева. А разве можно говорить об открытии без вклада геологов М. А. Борисьяк, А. М. Симорина, М. Т. Самсонов, В. К. Щедрова, А. А. Любер, Л. Ф. Думлева, М. В. Голицына, И. В. Орлова, М. А. Ермакова, Б. А. Кудрякова и многих других? Мне возразят, что все это было потом. Согласен. И если быть абсолютно точным, то героя этого очерка следовало бы назвать первооткрывателем не Карагандинского бассейна, а карагандинского угля, хотя он и открыл четыре прииска, или, как сейчас говорят, месторождения на территории Карагандинского угольного бассейна.

Каждая история, какой бы длительной она ни была, имеет свое начало. Об этом начале и будет мой очерк. Мне посчастливилось поработать в читальном зале Казахского государственного архивного института, листать многие папки с пожелтевшими документами. Многие из них попали в руки исследователя впервые. Вот почему мне захотелось восстановить забытые страницы» прошлого, приблизить читателя к тому же далекому времени, поделиться своими находками, своим пониманием и восприятием образа главного героя данного очерка — купца Никона Абрамовича Ушакова и, конечно, восстановить его доброе имя. Этот человек оставил заметный след на земле, имя которой — угольная Караганда.

ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

...Среди желтой бескрайней степи с голубыми контурами на горизонте, среди недвужного неба с белыми облаками, среди этого, казалось бы, застывшего в вечном покое мира лишь, острый глаз степника мог разглядеть едва заметную черную точку, которая медленно ползла от холма к холму

пал и выменивал сырые произведения скотоводства — кожи, овчины, мерлушку, козий пух, шерсть, звериные шкуры. Но главным предметом обмена был скот: бараны и лошади.

Купец, едущий в степь с возами товаров, возвращался нередко с косяком лошадей или других животных, с возами шерсти и шкур. Такая торговля была хоть и хлопотной, но весьма выгодной, так как в степи конкуренции не было и купец продавал свой товар по повышенной цене или обменивал на продукцию скотоводства вполцены. Приезд купца в степь всегда был неординарным событием среди кочевников. С быстротой ветра по степи распространялась весть: едут купцы.

На местах стоянки начиналась оживленная торговля. Основной обменной единицей был баран. Кто пополнял оскудевшие за зиму запасы зерна, пшени и муки, кто приобрел «кухонную» утварь — котлы, кастрюли, ножи, женщины неизменно привлекали к ткани: китайка, бязь, сукно, а также ИГЛЫ, зеркала и сладости. Словом, каждый мог найти нужную ему вещь. Предприимчивый, сметливый, хорошо знавший язык и быт местного населения Никон Ушаков пользовался в степи доброй репутацией.

Копейка — гость в степи редкий, и поэтому большое распространение имела торговля в долг. Купец с телегами, наполненными товарами, ездил по аулам и давал в долг хлеб и другие товары, а казахи возвращали ему долг летом баранами, другим скотом. Это была вазимовыгодная торговля.

Что же заставило купца бросить ее и заняться несвойственным купцу занятием — поисками руд на серебро, медь и свинец? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, совершим экскурс в середину прошлого века. Начиная с 30-х годов прошлого века Сибирь и прилегающие к ней «киргизские степи» охватила «золотая лихорадка». Купцы бросили свою торговую деятельность и бросались в бега по просторам бескрайней Сибири в поисках золотой купели. Потомственные дворяне, почетные граждане — все оказывались вовлеченными в эту дьявольскую игру.

Первым в Степь проник купец Степан Попов. Спустя немногие годы, его прииски уже занимали территорию, равную территории иного европейского государства. Легенды ходили вокруг имени Попова, Своими заявками он покрыл огромные пространства от Семипалатинска до Баян-Аула и Каркаралинска. Сотни подвод, грузили куски богатой руды и везли ее на заводы, где из нее получали серебро, медь, свинец.

во разыскания и разработки золотосодержащих россыпей и разных руд и металлов по Западной Сибири и в Киргизских округах. Это свидетельство открывало ему дорогу к несметным сокровищам края, многие из которых у него уже были на примете.

Неудивительно, что в весьма короткое время (в течение двух лет) он сделал заявки на 16 месторождений меди, свинца, каменного угля. В октябре 1846 года с поисковой партией Ушаков отправляется в Улутавский район, где открывает четыре месторождения, в том числе медной руды при урочище горы Коянды, в 45 верстах к северу от Улутавской станицы, свинцовой руды по речке Кратургай при урочище Кургасын, в 60 верстах на север ст Улутавской станицы, каменного угля при урочище Кызыл-Черчь по речке Терепутан, в 110 верстах ст Улутавской станицы, и угля при урочище Акчетау, опять же в 110 верстах от станицы. 5 декабря 1846 года на эти месторождения Никон Ушаков сделал заявки в Кокчетавский окружной приказ, но заявленные места оказались в Оренбургском ведомстве, подчиненном тогда Министерству иностранных дел, и застолблены не были,

Летом 1847 года Ушаков со своими помощниками крестьянами Н. М. Тосиным и С. И. Бушуевым открыл еще 12 месторождений, которые были заявлены в Акмолинский окружной приказ. В урочище АкБюрат-Адыр, между сопками Сарана и Байдаулет, он открыл медные руды. По речке Сокур — каменный уголь. При урочище Нельды — медную руду со свинцом и серебром. При урочище Там-Кураны на реке Атасу-Санган-Юсаль, Карабюрат, Мукушу-Куглу, Искулы открыл медную руду со свинцом, при урочище- Кызыл-Эспе и урочище Кайракты — свинцовые руды (все названия приведены такими, как были записаны в заявках). Карагандинское месторождение угля, в списке открытых Ушаковым в 1847 году не значится..

Итак, волею судьбы Никон Ушаков стал рудоискателем в обширных, необозримых казахских степях. Как же производилось открытие того или иного месторождения в то время? Найти выход руды или угольного пласта на поверхность было недостаточно, требовалось путем разведочных работ, пробивки ям, шурфов, нередко значительным, убедиться в их достоверности и достаточном объеме, сделать явочный столб и яму, в строгом соответствии с Горным Уставом оформить и сдать заявку в Окружной приказ лично расписаться в шнуровой книге о передаче заявки. Все это требовало немалого труда, немалых средств и